

**Международная научно-практическая конференция
«Изучение региональной литературы в историко-культурном
и методическом аспектах»**

УДК82.01/.09

Е.В. СЕЛЮТИНА, Д.О. КОТОМЦЕВ
(Луганск)

**НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРЫ РОДНОГО
КРАЯ В ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ
(на материале романа Б.Л. Горбатова «Непокорённые»)**

Предложена интерпретация романа Б.Л. Горбатова «Непокорённые», связанная с такими категориями поэтики, как жанр, хронотоп, мотивная структура, идейный мир. Подчёркивается мысль о глубоком нравственном и эτικο-эстетическом воздействии романа на личность обучающегося в процессе изучения литературы родного края.

Ключевые слова: литература родного края, нравственное содержание, литература Донбасса, жанр, роман, сюжет становления.

ELENA SELYUTINA, DMITRIY KOTOMTSEV
(Luhansk)

**MORAL POTENTIAL OF LITERATURE OF NATIVE
TERRITORY AT SCHOOL PROGRAMM
(based on the novel “The Unbroken” by B.L. Gorbatov)**

The article deals with the interpretation of the novel “The Unbroken” by B.L. Gorbatov, associated with the categories of the poetics (genre, chronotope, motive structure and ideologic world). There is underlined the thought of the deep moral and ethnic-aesthetic influence of the novel on the student’s personality while studying the literature of the native territory.

Key words: literature of native territory, moral content, literature of Donbas, novel, genre, plot of establishment.

*Каждый думает, как бы спасти свою жизнь,
а надо бы думать, как спасти свою душу.
«Непокорённые» Б.Л. Горбатов*

Нравственный потенциал литературы как вида искусства неисчерпаем. Прочным фундаментом этого тезиса является уверенность в том, что литература фокусирует внимание на важнейших экзистенциальных вопросах духовного бытия человека, формирует представления о гуманности и гуманизме, выражает моральные и интеллектуальные истины, резюмирует итог духовных исканий художников и предлагает в чувственно воспринимаемых образах результаты постижения мира (*себя-в-мире*). О формировании прочной системы ценностей, которая составляет духовную основу внутреннего мира человека, его мироощущения и мирозерцания, основательно писали ведущие отечественные литературоведы: И.А. Есаулов, В.В. Кожин, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, О.Р. Миннуллин, И.Н. Сухих, В.Е. Хализев, В.В. Фёдоров и др. [7, 10, 16, 17, 20, 22, 26, 28]. Не обходит эту проблематику и педагогическая наука, в которой ведущими методистами-филологами (Р.Н. Бунеевым, Б.А. Ланиным, В.Г. Маранцманом, М.А. Рыбниковой) [2, 11, 21] концептуально освещаются пути нравственного совершенствования личности обучающегося на уроках литературы.

Базисом для становления аксиологии обучающегося является литературный канон, установленный ФГОС и Примерной рабочей программой по литературе [27]. В основе канона – классика русской

и зарубежной литературы: начиная от Гомера и древнерусской словесности и заканчивая новейшим литературным процессом. Однако очевидно, что каждый регион имеет свою культурную специфику, поэтому совершенно закономерно включение в программу по литературе произведений, чьи авторы связаны с регионом, а не с установившимся каноном. Их имена – культурное наследие области, края, города, которое с отчётливой этико-эстетической силой влияет на процесс становления и развития нравственного облика обучающегося школы, потому что близка каждому.

Литература родного края, выраженная в художественном творчестве писателей и поэтов Донбасса, в самой специфике языка, интерпретации локальных сюжетов, идейно-эстетической своеобразии, способствует воспитанию гуманного в человеке и его нравственному совершенствованию, формирует гармоничную личность, которая осознаёт культуру комплексно, контекстуально, соотнося её с вершинными достижениями русской литературы. Литературное краеведение позволяет раскрыть через частное (творчество писателей регионов Донбасса), с которым соотносит себя обучающийся, общее, увидеть закономерности историко-культурного развития родного края, ведь познание всегда способствует пониманию и любви, духовному развитию.

Литературоведческая и учебно-методическая рефлексия о литературе Донбасса активизировалась за последние десять лет. В Донецке выпущено пособие по литературному краеведению [14]; кафедрой русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет» регулярно проводятся литературно-краеведческие научно-практические конференции – «Далевские чтения», «Гаршинские чтения», которые не замыкаются в пределах заданной тематикой (изучение творческого наследия В.И. Даля и В.М. Гаршина [4, 6] – уроженцев Донбасса), а выходят в широкий контекст русской и мировой литературы и обращают внимание на творчество многих выдающихся луганских и донецких писателей: П.Г. Беспощадного, Г.Г. Володина, Б.Л. Горбатова, Г.С. Довнара, М.Л. Матусовского, Т.М. Рыбаса, В.А. Титова и др.* Общественной организацией «Луганская АССУЛ» проводится «Фестиваль русского языка в Луганской крае», включающий региональный компонент в изучение литературы родного края – в частности, просветительскую акцию «Далевский диктант». Новейший литературный процесс в Донбассе связан с именами Г.Л. Боброва, Е.А. Заславской, А.А. Чернова (его книга «Донбасский код» [29], содержащая очерки об истории и культуре Донбасса, обладает мощным эвристическим потенциалом в преподавании литературного краеведения). Их произведения представлены в ведущем литературно-художественном альманахе Луганска «Крылья» [15] (главный редактор – профессор кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ» Л.В. Черниенко), публикующий прозу, поэзию, драматургию, переводы, критику, литературоведческие статьи, публицистику, эссеистику. В рабочей программе по литературе, принятой для общего и среднего образования в Луганской Народной Республике, отводится весомое количество учебных часов для изучения литературы родного края. Несмотря на отсутствие обобщающих учебников по литературному краеведению Донбасса, которое не позволяет системно представить творчество донбасских писателей, поэзия и проза художников слова Луганского края вызывают живой отклик у обучающихся, готовых к самостоятельному творческому диалогу с писателями-земляками на пути духовного развития.

В этом контексте пристальный интерес вызывает произведение Б.Л. Горбатова (годы жизни: 1908–1954) «Непокорённые» (1943) [5], повествующее о жизни оккупированного в 1942–1943-х гг. Ворошиловграда (название Луганска в период с 1935 по 1958 и с 1970 по 1990 гг.). Творчество Б.Л. Горбатова было неразрывно связано с Донбассом**; уже с 1922 г. в донецкой газете «Кочегарка» публикуются его очерки. В советской литературе его имя представлено целой жанровой палитрой: повестями «Ячейка», «Алексей Куликов, боец...», прозаическими и очерковыми циклами «Горный по-

* Библиографию см.: <https://www.lib-lg.com>.

** Подробнее с жизнью и творческим путём Б.Л. Горбатова можно познакомиться на сайте Луганской республиканской универсальной научной библиотеки им. М. Горького: <https://www.lib-lg.com/eshchjo/kraevedam/vydayushchiesya-deyateli-luganshchiny/literatura/397-gorbatov-boris-leontevich>, а также в работах В.М. Карповой [2], Н.Г. Тютюнника [8].

ход», «Обыкновенная Арктика», «Письма товарищу», «Рассказы о солдатской душе», пьесой «Одна ночь», киносценарием «Донецкие шахтёры», романами «Донбасс» и «Непокорённые» [5].

Знаменитое произведение Б.Л. Горбатова, вошедшее в школьную программу по литературе в Донбассе, – роман «Непокорённые», написанный благодаря непосредственному знакомству автора с борьбой луганчан против оккупантов. Роман отмечен Государственной (Сталинской) премией (1946), неоднократно прочитан по радио, напечатан на страницах «Комсомольской правды». По мотивам произведения создана опера Д.Б. Кабалевского «Семья Тараса». Роман «Непокорённые» [Там же], помещённый в контекст советской литературы о Великой Отечественной войне, обнаруживает тематические, образные и идейные переключки с романами, повестями и пьесами писателей того времени, ведь сюжетно осмысляет историю конфликта гуманистического против бесчеловечного, чистой совести против страха и приспособленчества, героики с предательством и трусостью.

Рецепция творчества Б.Л. Горбатова представлена именами советских и российских литературоведов: В.М. Карповой, Г.А. Колесниковой, Т.И. Рокоман, Т.А. Рожко, Н.Г. Тютюнника [8, 9, 25]. Однако целостной и лишённой идеологической пристрастности филологической интерпретации романа «Непокорённые», которая бы стала основой для методического освещения его эстетического содержания, всё ещё нет. Комплексно восполнить эту лауну в рамках одной статьи невозможно, но в контексте нашей темы представляется необходимым осветить ряд принципов поэтики, сущность жанра и идейно-эстетический смысл романа, связанный с нравственным совершенствованием человека.

Вызывает дискуссии определение жанра «Непокорённых», данное исследователями и закрепившиеся в школьной практике, – *повесть*. Такая жанровая дефиниция ничем не подкреплена, кроме относительно малого объёма произведения (около 150 страниц), которое позволяет относить «Непокорённых» к «средним» эпическим жанрам. Однако классификационный признак – объём – в современной теории литературы вызывает сомнение (см. работы И.Н. Сухих [22, с. 42–52], Н.Л. Лейдермана [13, с. 243–305], Н.Д. Тмарченко [24, с. 61–67]). Таким образом, в рамках теории литературных жанров Н.Д. Тмарченко предложен иной подход к внутренней мере жанра повести: в его основе, по мнению учёного, лежит *сюжет испытания* героя в процессе движения событий (как ментальных, так и эмпирических) [23]. Герой, оставаясь равным самому себе ценностных и духовных координатах, не меняется на протяжении повествования; в повести проходят «проверку» его мировоззренческие установки и личностное содержание в кризисной ситуации. Наблюдения над текстом «Непокорённых» показывают, что ни один из персонажей, ни один из образов (города, к примеру) не остаётся статичным: вся образная система проходит через *сюжет становления*, что характерно для **жанра романа**. Внутренне меняющийся характер обретают не только персонажи (Тарас Яценко, его сыновья Андрей и Степан, дочь Настя), но и образы-символы (город, село), «так что в итоге герой становится собой в исторически меняющемся мире, в момент смены эпох» [24, с. 64]. Главные герои «Непокорённых» – связанные семейными узами патриарх рода Яценко Тарас, его воюющие (каждый – по-своему) сыновья Андрей и Степан и дочь-подпольщица Настя, – совершают *акт духовного самоопределения* в поиске и реализации личной, национальной и общечеловеческой *свободы, инициативы и ответственности человека* перед миром и самим собой.

Уточнение жанра позволяет сделать ряд наблюдений над поэтикой «Непокорённых», которые напрямую связаны с его нравственным и этико-эстетическим содержанием. *Лирико-романтическая стилевая доминанта* в повествовательной структуре романа подчёркивается ценностным ориентиром для всех персонажей, который сформулирован так: «И, вдыхая эти с младенчества знакомые запахи, Тарас вдруг подумал остро и неожиданно: “А жить надо!.. Надо жить!” – и вошёл к себе» [5, с. 2]. Кризисная ситуация – война, оккупация города, гнёт под властью захватчиков (в том числе и «полицаяв», которые избрали тактику приспособления к новой действительности), отсутствие еды, работы, возможности учиться детям – становится не просто испытанием для героев романа, но и ситуацией их духовного преображения.

Сначала Тарас Яценко, знаменитый инженер, мастер своего дела, знавший когда-то героев Донбасса Александра Пархоменко, Степана Лиховида, Клима Ворошилова (их имена часто появляются на страницах романа, напоминая о ценностном значении труда и помощи ближнему), думает *переждать* оккупацию, не вмешиваясь в ход событий: «Навстречу ему бросилась вся семья. Он окинул её широким взглядом – всех, от старухи жены Ефросиньи Карповны до маленькой Марийки, внучки, и понял: никого сейчас нет, никого у них нет на земле, кроме него, старого деда; он один отвечает перед миром и людьми за всю свою фамилию, за каждого из них, за их жизни и за их души» [5, с. 2]. Фраза «Ничего! Будем жить» лейтмотивна для первой части романа (она даже является композиционной скрепой некоторых глав: заканчивая главу, Б.Л. Горбатов начинает новую с последнего предложения, повтором закольцовывая повествование); но жизнь семьи Яценко оказывается в нравственном тупике из-за локального эгоизма (Тарас закрывает ставни, двери, постоянно выдумывает конструкции новых замков, как бы отгораживая пространство дома от оккупированного города: «Тарас тщательно запер за ним двери – на все засовы, на все замки» [Там же, с. 3]). Услышав о расстреле знакомого, Тарас пытается изолировать себя и от этого: «Цытите вы, чёртовы бабы! Кого убили? Кого расстреляли? Не нас ведь. Нас это не касается. – И, хлопнув дверь» [здесь и далее курсив наш. – Е.С., Д.К.], уходил к себе» [Там же, с. 5]. Тарас объясняет свою изоляцию верой в скорейшее освобождение города. Ключевой мотив в первой части романа – мысль Тараса о *сохранении чистоты души*: «Каждый думает, как бы спасти свою жизнь, а надо бы думать, как спасти свою душу» [Там же, с. 22], а «фашисты, как болезнь, как лихолетье, помучают и исчезнут. Это временное» [Там же, с. 7]. Однако оставаться чистой душа может быть в деятельности по отношению к другому; в замкнутом пространстве, не находя выхода энергии деятельности, человек становится свидетелем катастрофы, которую сам не может / не пытается исправить.

Отражением внутренней (духовной) изоляции является топос города – оккупированный Ворошиловград. Город уподобляется Христу, который своим распятием принял на себя грехи человечества во имя спасения и очищения; город нарративизируется и одушевляется, вторгается в повествование прямой речью: «Но город властно тянул его, звал, мучил: *ты видел меня в славе, погляди – вот я распят на кресте. Коснись моих ран, Тарас. Раздели мои муки*» [Там же, с. 25]. И далее: «... он [Тарас. – Е.С., Д.К.] всё шёл да шёл по мёртвым, *распатым* улицам города, из которого вырвали весёлую живую душу. Вырвали и растоптали. И нет её, ничего нет, – город глухонемых и нищих» [Там же, с. 25]. Один из таких «глухонемых» – Тарас. Видя ужас войны, разлагающийся город, пережив страшный эпизод убийства еврейской девочки, которую квартал каждый вечер прятал в разных домах (именно в доме Яценко удалось найти девочку), Тарас переосмысливает своё отчаянное бездействие: «Как жить? От этого вопроса нельзя было отмахнуться. Нельзя было сказать себе: “Нас это не касается”. Перед каждым человеком в городе встал этот вопрос: как жить, что делать? И каждый человек должен сам его решить для себя и для своей *совести*» [Там же, с. 31]. Концептуальное понятие найдено Тарасом: не просто душу необходимо сберечь, но и сохранить совесть (т. е. нравственный облик), которая связана с окружающим миром, семьёй, обществом. Стимулом дальнейшего духовного преображения Тараса становятся два эпизода: отказ работать мастером на благо Германии и возвращение сына Андрея из плена (этот эпизод интертекстуально связан с аналогичной сюжетной ситуацией в пьесе Л.М. Леонова «Нашествие» [12]: Фёдор Таланов, вернувшись из тюрьмы в оккупированный родной город, пытается найти своё место в новой реальности). Неповиновение новой городской власти – деятельный протест, который немцы и полицейские не могут подавить (группу стариков-мастеров невозможно заставить работать на заводе, ведь для них ценностным ориентиром является спасение совести, а не тела). А возвращение сына оборачивается не радостью, а смятением: оказавшись в плену, Андрей смог вырваться оттуда благодаря доброй женщине Лукерье, которая потеряла мужа; вместе они пробыли как муж с женой, но память о семье (жене Антонине и дочери Марийке) тянула Андрея в родной город. Когда он попал в родной дом, то встретил отповедь отца, который видел в его поступке – возвращении домой, а не в армию, малодушие и трусость; ничто не может вернуть Андрею душевное

спокойствие: «Нет, не вырвался он из плена! Вот она – колючая проволока. По-прежнему он в плену, и семья в плену, и весь город в плену у немцев. Душа его в плену. Всё опутано колючей проволокой. Колючки впились в душу» [5, с. 61]. Б.Л. Горбатов создаёт контрастный эпизод, свидетелем которого делает Андрея: полицейские пришли к дому Тараса, чтобы сопроводить его на место работы; Тарас Яценко, весь в отрепье и старом пальто (которые подчёркивают его неуважение к «власти»), гордо идёт вместе с другими мастерами: «Нет, это не пленные, – невольно подумалось Андрею. – Это... это непокорённые» [Там же, с. 59]. «Сын вдруг горько завидует отцу», ведь душа Тараса абсолютно свободна.

Антитезой поступку Андрея в романе является деятельность Степана, старшего сына Тараса. Он коммунист и партийный деятель, чья миссия на войне – организация подполья ради успешного контрнаступления и подрыва деятельности захватчиков на оккупированных территориях. Однако и он переживает ситуацию кризиса: люди, в которых он верил, предают свою Родину, а те, кто казался ему слабым духом, совершают героические поступки. Метафорически выражаясь, война оказывается зеркалом, в котором отражается истинный духовный облик людей. Не все могут выдержать подобное испытание, и сам Степан ощущает внутренний разлом из-за своей невнимательности, доходящей до слепоты. Однако подвиг людей, которые готовы довериться ему, самопожертвование ради Родины вселяют в него надежду на успешный исход войны – по-толстовски масштабный образ народа оказывается главной силой спасения Советской России: «Вот он, народ, – говорит один из героев, с которым в мирное время постоянно боролся Степан, – непокорный, могучий. Не молчит он – звенит! Как сухое дерево, звенит ненавистью, по искре тоскует. А тебя, бумажная твоя душа, сюда спичкой и поставили. Да нет, не спичкой! Спичка чиркнула и погасла. Кремнем. Кремнем должен ты быть, Степан Яценко, чёртова твоя душа! Чтоб от тебя искры летели и раздувалось пламя народной мести» [Там же, с. 119]. Степан, таким образом, тоже преобразуется: его устойчивый («бюрократический», индивидуальный и потребительский ввиду должности Степана) образ жизни сменяется сопричастностью к нравственному подвигу: он выходит за рамки своего Я на пути к Другому. Это видно в дальнейших словах самого Степана: «В одиночку-то мы все честные... Только честность свою в сундуке хороним, как невеста приданое. Нет, ты честность свою на стол клади, в борьбу кидай!» [Там же, с. 127].

Единственный персонаж, который с начала войны ощутил свою сопричастность к народному подвигу, – дочь Тараса Настя, ставшая подпольщицей и тайно поддерживавшая связь со Степаном. Её подрывная деятельность в городе для многих – пример самопожертвования – в частности, для её школьного возлюбленного Павла. Однако из-за своей внутренней цельности Настя тождественна трагическому герою: её жизнь – идеал борьбы и жизни ради других людей; но идеал может воплотиться только трагической развязкой: Тарас, вернувшись в город после похода за едой на восток, видит на пустыре виселицы, а на одной из них – тело своей дочери. Трагической судьбы нельзя избежать, подлинный герой, подобно Насте, обречён на гибель; но её смерть откликается духовным очищением читателя через страдание – катарсисом. Некую форму очищения в страдании ощущает и Тарас, который бросается вместе с внуком Лёнкой на убегающих из города немцев. Даже убийство человека – суровый этический грех – романтизируется в романе «Непокорённые»: идеалистическое представление о подлинной гуманности в человеке противопоставляется животному, сугубо телесному образу захватчиков, которые не считаются с чужими жизнями. В этом смысле важно последнее преобразование в романе: Андрей после паломничества отца уходит на фронт, чтобы вернуть осознание своей человечности. И когда он возвращался домой, то шёл уже «не робко, не тропинкой, не в крестьянской свитке, тайком, как беглец – а широкой дорогой боёв и наступлений, в армейской шинели» [Там же, с. 135]. Дома Андрей отдал раненому отцу медаль «За отвагу», ставшей символом его духовной трансформации, во-человечивания (А.А. Блок).

Андрей, если воспользоваться выражением М.М. Бахтина, способен стать «больше своей судьбы» [1], реализовать себя как героя. Это сближает его с героическим поступком Фёдора Таланова из «Нашествия» [12] (в обоих случаях от них не ожидают преодоления себя и проявления человечно-

сти). Такой принцип поэтики – способность стать героем – вообще характерен для русской литературы о Великой Отечественной войне (ср. с идентичными ситуациями в «Сотникове» В.В. Быкова [3]) и диаметрально противоположен способам построения образа войны и человека на ней в зарубежной литературе. Столкнувшись с губительной силой войны, неразрешимостью кризиса, агонией гуманизма, герои зарубежной литературы ощущают внутренний надлом, который вылечить невозможно: этот надлом – отражение противоречий в реальности, которые исправить, по-видимому, невозможно; поэтому их жизненный путь чаще всего завершается смертью (и не только своей, как случилось с Фредериком Генри, потерявшим ребенка и возлюбленную). Русская литература выбирает иной ракурс изображения войны – не сугубо индивидуальный, аналитический, а всенародный, общечеловеческий. Мера героизма поступка проявляется не в личном спасении, а в служении другим людям. В этом видится вера в будущее, в котором люди будут жить в мире; индивидуалистская картина мира же предполагает тотальное одиночество (любопытно, что современная зарубежная литература критически осмысляет индивидуализм как разрушительный концепт; об этом, к примеру, «Любовница Витгенштейна» Д. Марксона [18], который изображает постапокалиптический мир (что его вызвало: война? техногенная катастрофа?) и жизнь единственно выжившего человека). Показательно, что даже герой-индивидуалист Рыбак из повести В.В. Быкова испытывает угрызения совести (потому и желает повеситься в уборной), ведущие к раскаянию, о котором он сам и сообщает в начале повествования «Сотникова» [3]. Герой В.В. Быкова не проходит нравственное испытание в кризисный момент; не тот пафос романа Б.Л. Горбатова: установка на лирико-романтический стиль позволяют ему изобразить преображение каждого героя.

Итак, ключевой сюжетной оппозицией в романе оказывается пара «личное спасение – жизнь ради ближнего». Переживая экзистенциальный кризис из-за войны, Тарас, Степан, Настя и Андрей ценностно преобразуются, меняют своё мировоззрение, становятся способными перейти черту эгоизма и страха за свою жизнь и встать на путь коллективного бытия. *Я-для-себя* сменяется парадигмой *Я-в-мире*, Я и Другой. Поэтика романа Б.Л. Горбатова и его жанровая структура являются выражением этико-эстетической парадигмы преображения человека в момент кризиса гуманизма и гуманности в обществе. Концептуальный смысл романа – жизнь ради другого – представляется востребованным и актуальным для нравственного совершенствования личности учащегося, что подтверждает необходимость внимания к региональной литературе, содержащей образцы подлинной духовности и величия человеческого духа.

Литература

1. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
2. Бунеев Р.Н. Образовательная система нового поколения. Теория и практика. М.: Баласс, 2009.
3. Быков В.В. Сотников: повести. М.: Эксмо, 2004.
4. Гаршинские чтения – 2019: материалы Университетской научно-практической конференции (г. Луганск, 14 марта 2019 г.). Луганск: Книга, 2019.
5. Горбатов Б.Л. Непокоренные. Донецк: Донбасс, 1976.
6. Далевское литературоведение: сб. науч. работ. Луганск: Из-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2010.
7. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Из-во Петрозавод. ун-та, 1995.
8. Карпова В.М. Чувство времени: Очерк творчества Б. Горбатова. М.: Художественная литература, 1970.
9. Колесникова Г.А. Борис Горбатов: Творческая биография. М.: Советский писатель, 1957.
10. Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991.
11. Ланин Б.А. Методика преподавания литературы. М.: Academia, 2003.
12. Леонов Л.М. Нашествие. М.: Гослитиздат, 1942.
13. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010.
14. Литература родного края. Пособие по литературному краеведению. 2-е изд., доп. и перераб. / сост. Мельникова Л.В., Король Г.Н., Прядко А.Г. [и др.]. Донецк: Издат. центр Донецкого РИДПО, 2016.
15. Литературно-художественный альманах «Крылья»: [сайт]. URL: <http://krylya.at.ua/>.
16. Лихачёв Д.С. Литература – реальность – литература. Л.: Сов. Писатель, 1984.
17. Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб., 1997.

18. Марксон Д. Любовница Витгенштейна: роман. СПб.: Рама Паблишинг, 2018.
19. Методика преподавания литературы. в 2 ч. М.: Просвещение, 1995.
20. Миннуллин О.Р. Аксиология словесного творчества. Ростов н/Д.: ООО «Фактор», 2022.
21. Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. М.: Просвещение, 1985.
22. Сухих И.Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
23. Тамарченко Н.Д. Сюжет испытания: опыт типологии (на материале русской повести Серебряного века) // Новый филологический вестник. 2006. № 2(3). С. 243–247.
24. Теория литературных жанров / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Т. Тамарченко [и др.]; под ред. Н.Т. Тамарченко. М.: Издательский центр «Академия», 2011.
25. Тютюнник Н.Г. Ветер степных дорог. К 100-летию со дня рождения Бориса Горбатова // Лугань. 2008. № 1(15). С. 134–138.
26. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005.
27. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 11.03.2023).
28. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия. Донецк: Норд-пресс, 2008.
29. Чернов А.А. Донбасский код: статьи и очерки. Луганск: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС, 2019.